ZaRa

Весна в наших имёнах



ZaRa

Весна в наших именах

«Автор»
2026

ZaRa

Весна в наших именах / ZaRa — «Автор», 2026

В выпускной класс старшей школы Ниси переводятся двое новеньких, и привычная спокойная жизнь учеников превращается в хаос.Ханада Сакура — токийский парень, переживший буллинг и потерю лучшего друга. Сакурай Хиёри — многократная чемпионка по тхэквондо, которой пришлось уйти из спорта.Они хотели хоть как-то дотянуть до выпуска, но внезапно обретают то, что становится дорого: клуб живой музыки, первую любовь, друзей и мечту о ярком будущем.А впереди — выпускной, поступление в университет и выбор, ради которого всем им придётся чем-то пожертвовать.Для тех, кому нравятся:#- Японские дорамы про школу и музыку — «Неудержимая юность», «Весна в Асуко», «В сумерках, держась за руки», «Я стану твоим цветком».-# Аниме в жанре «школьная повседневность» — «Хоримия», «Дотянуться до тебя», «Яркая Тихая», «Дарованный», «Торадора!».-# Истории о первой любви и взрослении.#- Японская музыка и истории о становлении групп.

© ZaRa, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
1 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

ZaRa
Весна в наших именах

Пролог

Чёртова сакура летала всюду, хотя было необычайно рано для сезона цветения. Удивительно, как она не залетала в широко раскрытые рты всем, кто торчал здесь, восхищаясь зрелищем. Кто придумал, что это красиво? Цветы умирают, разлетаясь по ветру прахом. И Сакура, впервые за свои восемнадцать лет, ощущал с ними родство, оправдывая своё имя. Он ненавидел его. А в сочетании с фамилией – абсолютный приговор к пожизненным насмешкам.

Стиснув зубы, Сакура продолжал разглядывать парк, который ему посоветовал случайный прохожий. Сам он ничего не знал об Уэде и тем более понятия не имел, что парк руин замка Уэда – главное место для прогулок местных и туристов в сезон цветения. А цвело тут буквально всё. На каждом шагу. И это несмотря на то, что на дворе стояло двадцать седьмое марта. Если бы не раннее утро, здесь наверняка было бы ещё больше народу, и Сакура мысленно поблагодарил судьбу за то, что отец решил ехать ночным поездом.

По пути он насчитал восемь пар: три – преклонного возраста, ещё три – возраста его отца, и две пары школьников чуть младше самого Сакуры. Ранее ему встретилась небольшая группа туристов, которую пришлось расталкивать, чтобы пройти особо живописный участок пути и добраться до моста. Выдохнув, он отвернулся от дороги и утонул взглядом между стволами гингко и дзелькв, которые щедро разрослись позади многочисленных сакур. Пейзаж напоминал известные японские гравюры с открыток матери, которые она когда-то коллекционировала – Сакура всегда находил их, как бы тщательно она их ни прятала. Сквозь завесу воспоминаний, назойливо летающие перед лицом лепестки потускнели и превратились в крупные хлопья пепла, словно где-то рядом горел огромный склад книг или бумаги. Или его прежняя жизнь. Не то, чтобы Сакура слишком уж скучал по ней – там не было ничего, за что стоило бы держаться, – однако Уэда… Он привык к Токио. Он знал там всё, что помогало ему держаться изо дня в день, знал безопасные пути, по которым можно было добираться от дома до школы, от школы до театра кабуки, где он подрабатывал, и от подработки до дома – если не в полном одиночестве, то хотя бы в живым и невредимым. Уэда же, несмотря на то, что Сакура провёл в этом городе не больше часа, казалась холодной, неуютной и хмурой, в отличие от неонового Токио, где они с Сотой исследовали бесчисленное количество музыкальных магазинов – от самых крупных и известных до тех, о которых вряд ли знало больше пары десятков человек. Сакура разочарованно вздохнул, подумав, что здесь, вероятно, музыкальных магазинов и вовсе не найти. К тому же, затеряться в большом городе гораздо проще, чем в таких местах, как Уэда, а быть у всех на виду Сакуре до смерти не хотелось.

И эти кошмарные деревья. Они были всюду.

Сакура прошёл вперёд. По левую руку текла река, названия которой он не знал, по правую находился холм с хвойными деревьями, а у края дороги виднелись следы ларьков, какие устанавливают во время фестивалей. Подойдя ближе к левому краю, он уставился на реку, которая отделяла его от нетронутого ландшафта – заросшего, но как-то слишком правильно, аккуратно, словно всё здесь стремилось угодить глазу. За пышными ветвями сакур он едва мог разглядеть противоположный берег. Река текла спокойным потоком, никуда не спеша.

На дорожке стали вновь появляться люди: они смеялись, улыбались и фотографировались, пытаясь подобраться к сакурам как можно ближе. В считанные мгновения толпа растянулась вдоль берега, и Сакура, среди всего этого воодушевления, почувствовал себя лишним.

Одна из фигур среди этой толпы привлекла внимание своей неподвижностью. Девушка в рваных шортах выше колена и розовой футболке застыла у обочины, уставившись в ту же сторону, что и остальные, однако смотрела она совсем иначе: не любовалась сакурами, а прожигала их взглядом, сжав кулаки. Когда девушка вдруг повернула голову, что-то блеснуло на её искажённом от злости лице. Сакура усмехнулся. То, что не один он злится, глядя на эти раздражающие деревья, отчего-то очень его радовало.

1

– Эй, что это?!

– Подвинься! Чего там?

Стенд с новыми списками классов тянулся вдоль стены главного здания. Никого не смущало палящее солнце – несмотря на непривычную жару, ученики толпились, расталкивая друг друга, чтобы выяснить, в каком классе и с кем им предстоит провести последний год старшей школы.

Юта, который за лето так и не выкрасил волосы обратно в чёрный и продолжал ходить с раздражающим ржавым цветом, пихнул Макото в плечо, отчего он потерял равновесие и завалился на рядом стоящую девушку. Та пискнула и одарила Макото таким тяжёлым взглядом, что он тут же поспешил отодвинуться как можно дальше.

– Юта, угомонись…

– С ума сошёл, Макото?! – Юта скинул сумку с плеча прямо на пол и беспардонно отодвинул всех от доски возле нужного списка. – Во-первых, мы с тобой опять в одном классе.

– А во-вторых? – попутно извиняясь перед окружающими, Макото пробрался за другом и взглянул на список класса из-за его широкого плеча.

Юта развернулся с таким сияющим видом, что Макото насторожённо прищурился: слишком уж сильно тот был возбуждён для обычного распределения учеников, да ещё в такую рань, когда обычно Юте стоило титанических усилий просто передвигаться с открытыми глазами.

Обойдя его, Макото стал вчитываться в фамилии, водя по ним пальцем сверху вниз, и вдруг остановился.

– Вот именно! – победно хмыкнул Юта, почти касаясь листа кончиком носа. – У нас новенькая!

– Ханада Сакура, – прочитал Макото, пробуя имя на вкус.

– Милота, скажи? – Юта мечтательно возвёл глаза к небу. – С таким именем она просто обязана быть хорошенькой!

Пока Юта продолжал верещать, Макото спустился по списку ниже.

– Тут ещё одна.

– Что?!

Казалось, Юту вот-вот хватит удар от переизбытка радости. Макото не разделял её, зато любопытства у него всегда было в достатке.

– Сакурай Хиёри, – озвучил Макото.

Юта театрально схватился за сердце, сполз на пол и пролепетал:

– Два цветочка!

Макото хмыкнул:

– Слишком приторные. Как раз в твоём вкусе.

Юта цыкнул и поднялся на ноги.

– Ничего ты не понимаешь в девчонках, – буркнул он, подхватывая сумку.

Стоило им отойти от стенда, как толпа за их спинами тут же сомкнулась.

– Цвето-о-очки… – мечтательно напевал Юта, пританцовывая вдоль тротуарного бордюра.

Наблюдая за ним, Макото, не удержавшись, засмеялся, прикрыв рот кулаком, но Юта всё равно заметил и самодовольно заулыбался, словно не рассмешил кого-то своим идиотским поведением, а попал в тройку лучших учеников Ниси.

– Чур, я себе выбираю первым, – вдруг заявил Юта, когда они уже почти подошли к дверям в нужный корпус.

– Чего?

– Де-вуш-ку, – произнёс он заговорщицки, разделяя на слоги. – Надо сразу определиться, чтобы, не дай боже, не влюбиться в одну и ту же.

Макото, поленившись комментировать очередную глупость, подтолкнул Юту вперёд, впихивая в дверной проём. На них тут же обрушился шквал звуков, которых нигде больше не услышишь: бубнёж радиорубки, шарканье сменной обуви, хлопанье дверц железных шкафчиков, голоса учеников – от тихого шёпота до громкоголосого исполнения остов из аниме, – и редкие, тонущие во всём этом хаосе, возгласы учителей, пытающихся сохранить хоть какое-то подобие порядка в первый день школы.

Макото глубоко вдохнул, наблюдая за всем этим хаосом.

– Чего застыл? – спросил Юта, переобуваясь у своего шкафчика, в котором помимо обуви всегда было полно мусора – в том числе писем с признаниями, которые он зачем-то хранил с первого класса старшей школы.

– Да просто, – Макото подошёл и открыл шкафчик со своим именем – прямо по соседству со шкафчиком Юты. – Как представлю, что через год нас здесь уже не будет…

Юта состроил страдальческую гримасу и ткнул Макото локтем.

– Давай без этого, а? И без тебя тошно. Родители вечно мозги промывают на тему универа. Дай хоть в школе от этого отдохнуть.

Макото спорить не стал. Он не мог понять положения Юты – за него самого всё давно решили, а родители Юты ждали, когда он сам что-то выберет. Но он, сколько Макото его знал, никогда не задумывался всерьёз о будущем. Юта был капитаном волейбольной команды Ниси, в которой и сам Макото состоял до этого года. Они даже прошли в финал национальных на первом году, но не было похоже, что Юта планировал идти в профессиональную лигу.

Юта раскис, но вновь взбодрился, стоило ему столкнуться на лестнице с одноклассниками. После бурных приветствий, похлопываний по плечу и короткого обмена новостями, они все направились на третий этаж, где теперь находился их класс.

– Что там такое?

Чем выше они поднимались, тем толпа становилась плотнее и неповоротливее, а у выхода на нужный этаж она совсем застыла.

– Чего все застряли? – проворчал Макото.

Юта уже протискивался вперёд, вытягивая и без того длинную шею. Макото старался держаться рядом. Кто-то слева попытался второпях обойти его, и их сумки сцепились: чужой брелок в виде ноты обмотался петлёй вокруг ручки сумки Макото.

Незнакомый парень смотрел на Макото каким-то странным, испуганным взглядом – словно никак не мог решить, что ему делать дальше. Выглядел он совсем не как местные: волосы были коротко подстрижены и уложены так, будто он только что проснулся, хотя Макото сказал бы, что смотрелось скорее круто, чем неопрятно. Форма на нём была новой и контрастировала с той, что успела выцвести за два года, – но плохо заправленная рубашка, развязанный галстук и две расстёгнутые верхние пуговицы рубашки компенсировали этот лоск. Самым необычным Макото показалось его лицо: кожа была настолько светлой, будто парень никогда в жизни не выходил на солнце. Как у девчонок, которые вечно прячутся под зонтами, боясь загореть и заработать веснушки. Да и ресницы были длиннее, чем у многих девчонок, а глаза за ними – слишком тёмные, чтобы определить их цвет. Поставь рядом с таким любую, даже самую эффектную девушку школы, и она тут же превратиться в посредственность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.